

Сентября 10 (23)

Мученица Татиана (Гримблит)

Мученица Татиана родилась 14 декабря 1902 года в городе Томске в семье служащего акцизного управления Николая Гримблита. Образование Татьяна получила в Томской гимназии, которую она окончила в 1920 году. В этом же году скончался ее отец, и она поступила работать воспитательницей в детскую колонию «Ключи». Воспитанная в глубоко христианском духе, желая подвига и взыскающая совершенства в исполнении заповедей Господних, она, едва окончив школу, посвятила свою жизнь помощи ближним. В 1920 году завершилась на территории Сибири гражданская война и начались репрессии против народа, а вскоре и сама Сибирь с ее обширными пространствами стала местом заключения и ссылок. В это время благочестивая девица и ревностная христианка Татьяна постановила себе за правило почти все зарабатываемые средства, а также то, что ей удавалось собрать в храмах города Томска, менять на продукты и вещи и передавать их заключенным в Томскую тюрьму. Приходя в тюрьму, она спрашивала у администрации, кто из заключенных не получает продуктовых передач, – и тем передавала. В первый раз она была арестована в 1920 году за сбор средств на раненых белых офицеров.

В 1923 году Татьяна повезла передачи нуждающимся заключенным в тюрьму в город Иркутск. Здесь ее арестовали, предъявив обвинение в контрреволюционной деятельности, которая заключалась в благотворительности узникам, но через четыре месяца ее освободили. В 1925 году ОГПУ снова арестовало Татьяну Николаевну за помощь заключенным, но на этот раз ее освободили через семь дней. После освобождения она по-прежнему продолжала помогать заключенным. К этому времени она познакомилась со многими выдающимися архиереями и священниками Русской Православной Церкви, томившимися в тюрьмах Сибири.

Ее активная благотворительная деятельность все более привлекала внимание сотрудников ОГПУ и все более раздражала безбожников. Они стали собирать сведения для ее ареста, которые в конце концов свелись к следующей характеристике подвижницы, ставшей со временем всероссийской благотворительницей: «Татьяна Николаевна Гримблит имеет связь с контрреволюционным элементом духовенства, которое находится в Нарымском крае, в Архангельске, в Томской и Иркутской тюрьмах. Производит сборы и пересылает частью по почте, большинство с оказией. Гримблит во всех тихоновских приходах имеет своих близких знакомых, через которых и производятся сборы».

6 мая 1925 года начальник секретного отделения ОГПУ допросил Татьяну Николаевну о том, помогала ли она сосланному духовенству и кому именно, а также через кого она пересылала посылки в другие города. Татьяна Николаевна ответила:

– С 1920 года я оказывала материальную помощь ссыльному духовенству и вообще ссыльным, находящимся в Александровском центральном, Иркутской тюрьме и Томской и в Нарымском крае. Средства мной собирались по церквям и городу, как в денежной форме, так и вещами и продуктами. Деньги и вещи

посылались мной по почте и с попутчиками, то есть с оказией. С попутчиком отправляла в Нарымскую ссылку посылку весом около двух пудов на имя епископа Варсонофия (Вихвелина). Фамилию попутчика я не знаю. Перед Рождеством мною еще была послана посылка на то же имя, фамилию попутчика тоже не знаю. В Александровском центре я оказывала помощь священникам, в Иркутской тюрьме епископу Виктору (Богоявленскому), в Нарымской ссылке священникам Попову и Копылову, епископам Евфимию (Лапину), Антонию (Быстрову), Иоанникию (Сперанскому), Агафангелу (Преображенскому) и заключенному духовенству, находящемуся в Томских домах заключения, и мирянам; вообще заключенным, не зная причин их заключения.

– Обращались ли вы к духовенству с просьбой оказать содействие по сбору средств на заключенных и ссыльных, – спросил следователь.

– Да, обращалась, но получала с их стороны отказ, – ответила Татьяна, не желая впутывать в это дело никого из знакомого ей духовенства.

– Кого вы знаете из лиц, производивших помимо вас сборы на заключенных и ссыльных?

– Лиц, производивших помимо меня сборы, не знаю.

На следующий день ОГПУ выписало ордер на ее арест, и она была заключена в Томское ОГПУ.

18 мая следствие было закончено и ОГПУ постановило: «Принимая во внимание, что дознанием не представляется возможность добыть необходимые материалы для гласного суда, но виновность... все же установлена, а посему дознание считать законченным и, согласно приказу ОГПУ за № 172, таковое направить в Особое Совещание при Коллегии ОГПУ для применения... внесудебного наказания – административной ссылки». Татьяна Николаевна вместе с некоторыми другими арестованными священниками рассматривалась как «вдохновительница тихоновского движения в губернии. С удалением их из губернии значительно поколеблется устои тихоновской организации». Документы дела были препровождены в ОГПУ в Москве, а после того, как здесь было принято решение о репрессиях против арестованных, 26 марта 1926 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило выслать Татьяну Николаевну в Зырянский край на три года. 1 июля 1926 года Татьяна Николаевна по этапу была доставлена в Усть-Сысольск.

15 июля 1927 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило выслать Татьяну Николаевну этапом через всю страну в Казахстан на оставшийся срок. 15 декабря она прибыла в Туркестан. 19 декабря 1927 года Особое Совещание постановило освободить ее, предоставив ей право жить, где пожелает. О том, что она освобождена, сотрудники ОГПУ в Туркестане сообщили ей только 10 марта 1928 года, и 16 марта Татьяна Николаевна выехала в Москву. Она поселилась неподалеку от храма святителя Николая в Пыжах, в котором служил хорошо ей знакомый священник архимандрит Гавриил (Игошкин). Татьяна стала постоянной прихожанкой храма Николы в Пыжах, где она стала петь на клиросе. Вернувшись из заключения, она еще активней помогала оставшимся в ссылках и находящимся в тюрьмах заключенным, многих из которых она теперь знала лично. Посещения заключенных и помощь им стали ее подвигом и служением Христу. По выражению многих святителей, стяжавших впоследствии мученический венец, она стала для них новым Филаретом Милостивым. В подвиге милосердия и помощи, безотказности и широте этой помощи ей не было равных. В ее сердце, вместившем Христа, никому уже не было тесно.

В начале тридцатых годов поднялась очередная волна безбожных гонений на Русскую Православную Церковь, когда были арестованы несколько десятков тысяч священнослужителей и мирян. Сотни их были арестованы и в Москве, и среди них 14 апреля 1931 года была арестована и Татьяна. Через несколько дней следователь допросил ее. Она рассказала, что действительно помогала ссыльным и заключенным, но только она, особенно вначале, помогала всем заключенным, вовсе не интересуясь, церковные это люди или нет, и даже по политическим ли они осуждены статьям или по уголовным, для нее было важно только то, что они нуждались и не имели того, кто бы им помогал.

30 апреля 1931 года Особое Совещание приговорило Татьяну Гримблит к трем годам заключения в концлагере, и она была отправлена в Вишерский исправительно-трудовой лагерь в Пермской области. Здесь, в лагере, она изучила медицину и стала работать фельдшером, что как нельзя лучше соответствовало выбранному ею подвижническому пути – беззаветному служению ближним. В 1932 году она была освобождена с запретом жить в двенадцати городах на оставшийся срок. Местом жительства она избрала город Юрьев-Польский Владимирской области. После окончания срока в 1933 году, Татьяна Николаевна поселилась в городе Александрове Владимирской области и устроилась работать фельдшером в больнице. В 1936 году она переехала в село Константиново Московской области и стала работать лаборанткой в Константиновской районной больнице.

Работая в больнице, и зачастую много больше, чем ей полагалось по ее обязанностям, она почти все свои средства, а также и те, что ей жертвовали для заключенных верующие люди, отдавала на помощь находящемуся в заключении духовенству и православным мирянам, со всеми ними ведя активную переписку. В ее деятельности для всех страждущих была ощутима не только ее материальная поддержка, но и поддержка словом – в письмах, которые она посылала. Для некоторых она в иные периоды становилась единственным корреспондентом и помощником. Епископ Иоанн (Пашин) писал ей из лагеря: «Родная, дорогая Татьяна Николаевна! Письмо Ваше получил и не знаю, как Вас благодарить за него. Оно дышит такой теплотой, любовью и бодростью, что день, когда я получил его, – был для меня один из счастливых, и я прочитал его раза три подряд, а затем еще друзьям прочитывал: владыке Николаю и отцу Сергию – своему духовному отцу. Да! Доброе у Вас сердце, счастливы Вы, и за это благодарите Господа: это не от нас – Божий дар. Вы – по милости Божией – поняли, что высшее счастье здесь – на земле – это любить людей и помогать им. И Вы – слабенькая, бедненькая – с Божьей помощью, как солнышко, своей добротой согреваете обездоленных и помогаете, как можете. Вспоминаются слова Божии, сказанные устами святого апостола Павла: “Сила Моя в немощи совершается”. Дай Господи Вам силы и здоровья много-много лет идти этим путем и в смирении о имени Господнем творить добро. Трогательна и Ваша повесть о болезни* и дальнейших похождениях. Как премудро и милосердно устроил Господь, что Вы, перенеся тяжелую болезнь**, изучили медицину и теперь, работая на поприще лечения больных, страждущих, одновременно и маленькие средства будете зарабатывать, необходимые для жизни своей и помощи другим, и этой своей святой работой сколько слез утрите, сколько страданий облегчите... Работаете в лаборатории, в аптеке? Прекрасно.

* Имеется в виду арест – на условном языке переписки тех лет.

** Имеется в виду пребывание в заключении.

Вспоминайте святого великомученика Пантелеимона Целителя и его коробочку с лекарствами в руках (как на образах изображают) и о имени Господнем работайте, трудитесь во славу Божию. Всякое лекарство, рассыпаемое по порошокам, разливаемое по склянкам, да будет ограждено знамением Святого Креста. Слава Господу Богу!»

Архиепископ Аверкий (Кедров), находившийся в ссылке в городе Бирске в Башкирии, писал Татьяне Николаевне: «Получил Ваше закрытое письмо, а вслед за ним открытку. За то и другое приношу Вам сердечную благодарность. Слава Богу – они по-прежнему полны бодрости и света, крепкой веры и твердого упования на промыслительную десницу Всевышнего. Слава Богу! Да никогда не иссякнет и не умалится в душе Вашей этот живоносный источник, который так облегчает здесь на земле восприятие жизненных невзгод, несчастий, ударов, неудач и разочарований. Не длинен еще пройденный путь Вашей благословенной от Господа жизни, а между тем сколько бурь пронеслось над Вашей главой. И не только над головой: как острое оружие они прошли и через Ваше сердце. Но не поколебали его и не сдвинули его с краеугольного камня – скалы, на которой оно покоится, – я разумею Христа Спасителя. Не погасили эти штормы в Вашем милом сердце ярко горящий и пламенеющий огонь веры святой. Слава Богу – радуюсь сему и преклоняюсь пред Вашим этим подвигом непоколебимой преданности Творцу, пред теми болезненными скорбями, испытаниями, страданиями нравственными, через которые лежал Ваш путь к этой победе в Вашей душе Христа над Велиаром, неба над землей, света над тьмой. Спаси Вас Христос и сохрани, помоги Вам и впредь неустрашимо и непоколебимо стоять на божественной страже своего святого святых...»

Больше всего из земных мест Татьяна Николаевна любила Дивеево, куда она приезжала часто и где служил ее духовный отец протоиерей Павел Перуанский. В одном из писем, написанном 5 сентября 1937 года архиепископу Аверкию (Кедрову), еще находившемуся в то время в ссылке в городе Бирске, беспокоясь о его судьбе, так как отовсюду стали приходить известия об арестах духовенства и мирян, она писала: «Дорогой мой Владыка Аверкий! Что-то давно мне нет от Вас весточки. Я была в отпуске полтора месяца. Ездила в Дивеево и Саров. Прекрасно провела там месяц. Дивно хорошо. Нет, в раю не слаще, потому что больше любить невозможно. Да благословит Бог тех людей, яркая красота души которых и теперь передо мной. Крепко полюбила я те места, и всегда меня туда тянет. Вот уже третий год подряд бываю там, с каждым разом все дольше. Навсегда б я там осталась, да не было мне благословения на то. А на поездку во время отпуска все благословили.

Откликайтесь, солнышко милое. А то я беспокоюсь, не случилось ли с Вами чего недоброго. Напомните мне географию. Далеко ли Бирск от Уфы? Пишите мне, я уже крепко соскучилась о Вас, родной мой».

Вечером, в тот день, когда Татьяна писала это письмо, она была арестована. Сотрудники НКВД пришли ее арестовывать, когда она писала очередное письмо священнику в ссылку, остановив ее на полуслове. Уходя в тюрьму, она оставила записку подруге, чтобы та обо всем происшедшем уведомила ее мать. Сохраняя даже в эти минуты мир и спокойствие, Татьяна Николаевна писала: «Ольга родная, прости! Прибери все. Получи белье от Дуни. Белье прибери в коробку, которая под кроватью. Постель и одежду зашей в мешки (мешка здесь два, но ты найди целые и чистые, в которых можно было бы все послать маме). Когда меня угонят отсюда, то только через десять дней пошли все маме, известив ее сначала

о моем аресте письмом. Напишешь письмо, а потом через пару дней шли вещи. Деньги на пересылку у тебя будут. Деньги после десяти дней вслед за вещами отправить маме, она мне переводить будет и пересылать что надо. Ну, всех крепко целую. За все всех благодарю. Простите. Я знала, надев крест, тот, что на мне: опять пойду. За Бога не только в тюрьму, хоть в могилу пойду с радостью».

*Татьяна Николаевна Гримблит.
Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год*

Допрашивал Татьяну начальник Константиновского районного отделения НКВД Судаков.

– Обвиняемая Гримблит, при обыске у вас изъята переписка с указанием массы адресов. Какие вы имеете связи с указанными лицами и кто они по положению? – спросил он.

– Шесть человек, указанные в адресах, являются священнослужителями, и все они были в заключении и в этапах, а в данное время они находятся в заключении и в минусах. Связь у меня с ними есть лишь письмами. Остальные адреса моих родственников, работающих в Москве и в Александрове.

После допроса заместитель начальника Константиновского НКВД Смирницкий допросил в качестве свидетелей сослуживцев Татьяны по Константиновской районной больнице – врача, медсестру и бухгалтеров.

Они показали: «Мне известно, что Гримблит посетила больного, лежащего в госпитале, к которому Гримблит не имела никакого отношения по медицинскому обслуживанию. В результате на другое утро больной рассказал врачу, что ему всю ночь снились монастыри, монахи, подвалы и так далее. Этот факт наводит меня на мысль, что Гримблит вела с больными беседы на религиозные темы. На собрании сотрудников больницы по вопросу о подписке на вновь выпущенный заем Гримблит ни за, ни против в прениях не выступала, но при голосовании за подписку на заем не голосовала».

«Гримблит зимой 1937 года, сидя у тяжело больного в палате, в присутствии больных и медперсонала после его смерти встала и демонстративно его перекрестила. В разговорах, сравнивая положение в тюрьмах царского строя с

настоящим, Гримблит говорила: “При советской власти можно встретить безобразных моментов не меньше, чем прежде”. Отвечая на вопросы о том, почему она ведет скучную жизнь, Гримблит говорила: “Вы тратите деньги на вино и кино, а я на помощь заключенным и церковь”. На вопрос о носимом ею на шее кресте Гримблит неоднократно отвечала: “За носимый мною на шее крест я отдам свою голову, и пока я жива, с меня его никто не снимет, а если кто попытается снять крест, то снимет его лишь с моей головой, так как он надет навечно”. В 1936 году при обращении приехавшего одного из заключенных Дмитлага для ночевки Гримблит при встрече с ним спросила, по какой статье он сидит, и, получив ответ, что он сидит по 58 статье, с удовольствием уступила для ночлега свою комнату, заявив, что она для людей, сидящих по 58-ой статье, всегда готова чем угодно помочь. У Гримблит в период ее работы в больнице были случаи ухода с работы в церковь для совершения религиозных обрядов».

«Мне известно, что Гримблит очень религиозный человек, ставившая религию выше всего. В день Преображения в разговоре со мной Гримблит сказала: “Теперь стал не народ, а просто подобно скоту. Помню, как было раньше, когда я училась в гимназии. Сходишь в церковь, отдохнешь, и работа спорится лучше, а теперь нет никакого различия, но придет время, Господь покарает и за все спросит”. Мне также приходилось часто от Гримблит слышать слова: “Придет все же время, когда тот, кто не верует, будет после каяться и пострадает за это, как страдаем в данное время мы, верующие”. Кроме того, Гримблит использовала свое служебное положение для внедрения религиозных чувств среди стационарных больных. Находясь на дежурстве, Гримблит выдачу лекарств больным сопровождала словами: “С Господом Богом”. И одновременно крестила больных. Слабым же больным Гримблит надевала на шею кресты».

«Относительно воспитания детей в настоящее время Гримблит неоднократно говорила: “Что хорошего можно ожидать от теперешних детей в будущем, когда их родители сами не веруют и детям запрещают веровать”. И, упрекая родителей, говорила: “Как вы от Бога ни отворачиваетесь, рано или поздно Он за все спросит”. В 1936 году моя девятилетняя дочка рассказывала мне, что Гримблит ее выучила креститься, за что дала ей гостинцев».

После допросов свидетелей заместитель начальника НКВД Константиновского района допросил Татьяну.

– Обвиняемая Гримблит, не состояли ли вы и не состоите ли в настоящее время в какой-либо религиозной секте, если состоите, то каковы ее цели?

– Ни в какой секте я не состояла и не состою.

– Обвиняемая Гримблит, из каких средств вы оказывали помощь заключенным и не являетесь ли вы членом какой-либо организации, ставящей своей задачей оказание им помощи, а также внедрение религии в массы?

– Я ни в какой организации никогда не состояла и не состою. Помощь заключенным и кому могу помочь я оказываю из своих заработанных средств. Внедрением религии в массы я никогда не занималась и не занимаюсь.

– Какова причина вашей помощи в большинстве случаев политзаключенным, а также причина ведения вами переписки исключительно с политзаключенными?

– Являясь религиозным человеком, я и помощь оказывала только заключенным религиозникам, с которыми встречалась на этапах и в заключении, и, выйдя на свободу, переписывалась с ними. С остальной же частью политзаключенных я никогда не имела никакой связи.

– Как вы проявлялись как религиозный человек относительно советской власти и окружающего вас народа?

– Перед властью и окружающими я старалась проявить себя честным и добросовестным работником и этим доказать, что и религиозный человек может быть нужным и полезным членом общества. Своей религиозности я не скрывала.

– Обвиняемая Гримблит, признаете ли вы себя виновной в ведении вами антисоветской агитации за время службы в Константиновской больнице?

– Никакой антисоветской агитации я нигде никогда не вела. На фразы, когда, жалея меня, мне говорили: «Вы бы лучше оделись и поели, чем посылать деньги кому-то», я отвечала: «Вы можете тратить деньги на красивую одежду и на сладкий кусок, а я предпочитаю поскромнее одеться, попроще поесть, а оставшиеся деньги послать нуждающимся в них».

После этих допросов Татьяна была помещена в тюрьму в городе Загорске. 13 сентября 1937 года следствие было закончено и составлено обвинительное заключение. 21 сентября перед отправкой обвинительного заключения на решение тройки сотрудник НКВД Идельсон вызвал Татьяну на допрос и, узнав, за что и когда она арестовывалась раньше, спросил:

– Вы обвиняетесь в антисоветской агитации. Признаете ли себя виновной?

– Виновной себя не признаю. Антисоветской агитацией никогда не занималась.

– Вы также обвиняетесь в проведении вредительства, сознательном умертвлении больных в больнице села Константиново. Признаете себя виновной?

– Виновной себя не признаю, вредительской деятельностью никогда не занималась.

Прочитав протокол допроса, Татьяна подписалась под фразой, оканчивающей протокол: «Записано с моих слов верно, мной лично прочитано».

22 сентября тройка НКВД приговорила Татьяну к расстрелу. На следующий день она была отправлена в одну из Московских тюрем, где перед казнью с нее была снята фотография для палача. Татьяна Николаевна Гримблит была расстреляна 23 сентября 1937 года и погребена в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия

Русской Православной Церкви XX столетия.

Жизнеописания и материалы к ним. Книга 7»

Тверь. 2002. С. 128-136

Библиография

Архив УФСБ РФ по Томской обл. Арх. № 11803-П.

ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-1086.

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-78635.